

**ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА
В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ**

**Культура как ресурс и барьер
инновационного развития**

**СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В РОССИЙСКОМ
ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ.
ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ И СИНТЕЗА**

А.Х. БОРОВ, Р.Х. КОЧЕСОКОВ

**Кавказский дискурс: методология
как конфликт мировоззрений**

Методология подхода к определению места северокавказского культурно-исторического ареала в российском цивилизационном процессе, как представляется, не может строиться в рамках «дисциплинарной» логики с заданным концептуальным аппаратом, теоретическими посылами и объяснительными схемами. Здесь необходимы: анализ в общем контексте исторического процесса и политической практики, рефлексия по поводу того, как конструируется «образ» Северного Кавказа в общественном сознании и научных дискурсах и эксплицитное представление собственной позиции.

Политические и социальные процессы последнего десятилетия XX века резко обострили восприятие проблем социокультурного взаимодействия России и Северного Кавказа. С одной стороны, либеральные аналитики акцентируют «глубокую культурную разность» (или же несовместимость) между ними, тупиковый характер социокультурных процессов, протекающих в регионе архаичной социальной основе. С другой – в этноцентрированной историографии региона, так или иначе, присутствует идея «губительности для местной этнокультурной традиции исторического контакта» с Россией. В контексте переходного состояния общества и государства и вызванного им всеобщего кризиса идентичности в 1990-х эти явления были неизбежны¹. В то же время, в качестве некоей реакции на эти крайние позиции актуализировался и набирает силу «державно-геополитический» подход, фактически отрицающий правомерность самого существования

множественных идентичностей внутри единого государственного организма.

Ход событий в течение первого десятилетия XXI века положил начало процессам реконструкции (возрождения) всех форм социально-культурной идентичности на постсоветском пространстве. Но восприятие Северного Кавказа как особого, в определенном смысле «аномального», региона России, по-прежнему присутствуют в общественном дискурсе.

Не только в обыденном сознании, но и в экспертных суждениях доминирует представление о том, что Кавказ сам по себе, объективно, есть зона нестабильности и конфликтов, что якобы коренится в его демографической и социокультурной структуре. В итоге – якобы Северный Кавказ служит фактором, подрывающим общую социально-политическую стабильность в России.

В рамках подобной «методологии познания Кавказа» отдельные авторы совершают операцию «отстранения» Кавказа, постулируя, по сути дела, что Северный Кавказ – не Россия, однако представляет собой проблему для России. Чаще это проявляется в нюансах языка, но может выражаться и в достаточно явной форме. Авторы, придерживающиеся подобных позиций, не только ограничивают территорию Юга России Ростовской областью, Краснодарским и Ставропольским краями, но и подчеркивают их пограничность, характеризуя как «стратегический буфер, отделяющий Россию от горячих точек Северного Кавказа и Закавказья»².

Порой пытаются осмысливать современные проблемы так, как если бы Кавказ существовал вне истории. В крайней форме это выражено в своеобразном представлении «о несовместимости» господствующих на Кавказе иррациональных этнических «первоначал» с современными формами социальности³. Но имеется и более «мягкое» выражение той же позиции, согласно которому адекватное понимание современных проблем Северного Кавказа может дать только этнография, что здесь требуется «поиск нестандартных, нетрадиционных путей или традиционных, пусть неконституционных, но именно традиционных в кавказском смысле слова» путей решения самых острых проблем региона⁴.

Предлагаемая статья является, с одной стороны, реакцией на изложенные позиции, с другой – попыткой предложить методологию понимания Кавказа.

Наша исходная посылка заключается в том, что рациональное познание кавказской реальности не только возможно – ему просто нет альтернативы, заслуживающей серьезного обсуждения.

Далее мы исходим из того, что представление о Кавказе как о пространственной (географической) единице неправомерно отождествлять с представлением о нем как о монолитном культурно-историческом и социально-политическом субъекте. Единство в первом случае не исключает множественности, сложной внутренней структурированности – во втором.

Адекватной формой познания Кавказа, по нашему убеждению, может быть только диалог с культурно-историческими и социальными субъектами регионального общественно-политического процесса – его народами и обществом. Это значит, что по форме познание Кавказа (его культурно-историческая идентификация) и самопознание Кавказа (его культурно-историческая самоидентификация) совпадают. Познание Кавказа, которое не могло бы служить его самопознанию, теряет смысл. Оно бесполезно и для науки о Кавказе, и вредно для политики по отношению к Кавказу.

Следовательно, описание, объяснение и понимание современной ситуации на Кавказе должно строиться не на истолковании социокультурной традиции (этнографии) народов региона, а на анализе итогов их культурно-исторической эволюции, в соотношении с общими процессами социально-культурных трансформаций России.

Заметим сразу – проблема преодоления цивилизационных расхождений и дисбалансов (проблема социально-культурного синтеза) сопровождает весь российско-кавказский исторический процесс. В том числе и по этой причине кризисы и конфликты последнего десятилетия XX века необъяснимы вне общего исторического контекста. А преодоление таких деструктивных явлений, как этнический национализм, сепаратизм или религиозный фундаментализм может быть достигнуто лишь на путях дальнейшей модернизации местных обществ, сохраняющих свою культурно-историческую идентичность в гармонии с общероссийской гражданской консолидацией.

Формирование цивилизационной специфики северокавказского региона

Этногенез и этническая история современных народов Северного Кавказа характеризуются двумя важными, в контексте рассматриваемой проблемы, чертами. Во-первых, независимо от многочисленных этнокультурных взаимовлияний и напластований, эти процессы протекали в пределах кавказского региона,

т.е. народы Северного Кавказа имеют неразрывную историческую связь с нынешней территорией своего проживания. Во-вторых, данные науки свидетельствуют, что на занимаемых кавказскими народами территориях надежно прослеживается культурная преемственность, уходящая в глубокую древность. Современные народы Северного Кавказа – это действительно древние народы. Поэтому российские кавказцы воспринимают себя как особую общность, со своей территорией, историей и культурой. Такая реальность, как показывают факты – вещь глубоко укорененная и неустранимая. С другой стороны, она питает почву для преувеличенных и мифологизированных представлений о глубине исторического прошлого и масштабности культурных достижений сравнительно малочисленных народов, остававшихся на периферии великих цивилизаций древности. Историография относит завершение процессов этногенеза северокавказских народов и оформление основных контуров современной этнической карты Северного Кавказа к XV – XVI вв.⁵

К этому же времени сложился и более широкий культурно-исторический контекст, который в решающей степени предопределил пути дальнейшего развития региона. В период великого переселения народов, «варваризации» Европы, упадка городской жизни и самых первых этапов складывания раннефеодальных монархий – Северный Кавказ, в общем и целом, не выделялся на социально-политической и культурной карте Восточной Европы. Здесь также происходили процессы становления раннефеодальных обществ и государств. Но с X в. четко обозначается расхождение векторов цивилизационного развития Северного Кавказа и окружающего его исторического мира.

В X – XV вв. в общих чертах сложилась современная западнохристианская цивилизация, возникли централизованные монархии, Европа подошла к началу нового времени. На Руси сложилась восточнохристианская цивилизация (Киевская Русь, затем – Московская), завершалось формирование централизованного государства. На востоке мусульманский мир обрел устойчивую государственно-политическую структуру, сохраняющуюся в основных чертах на всем протяжении нового времени. В итоге Северный Кавказ в целом так и не был включен в орбиту ни одной из великих современных цивилизаций. В масштабах всего региона не укоренилась какая-либо одна из мировых религий, не сформировалось ни одно крупное централизованное политическое образование, не получили развитие города, и городская культура

не проникла в толщу общественной жизни. В социокультурном плане он остался самостоятельным, самобытным.

Вместе с тем, регион, начиная с XVI в., все глубже втягивается в орбиту геополитических интересов крупнейших соседних государств, принадлежащих к различным цивилизациям.

С конца XV и в XVI в. вокруг кавказского региона возник своеобразный силовой треугольник в лице Османской Турции и её вассала — Крымского ханства, Сефевидского Ирана и Русского государства.

Результатом складывания устойчивой, но разновекторной структуры международных отношений вокруг региона стало, с одной стороны, усложнение набора внешних воздействий на внутренние социально-политические процессы, с другой — появление реальных альтернатив политического поведения для северокавказских этнополитических образований той эпохи. Возможность выбора союзников позволяла им во взаимоотношениях с несравненно более могущественными государствами выступать в качестве самостоятельных политических субъектов.

С XVI до первой половины XVIII вв. доминирующим процессом в рамках противостояния держав в регионе было ирано-турецкое соперничество, сопровождавшееся войнами и периодическими переделами сфер влияния. Россия поначалу не включалась в это военно-политическое противоборство, что позволяло ей постепенно наращивать влияние и укреплять свое присутствие на Северном Кавказе. Это было началом длительного исторического процесса — с момента первых политических контактов (черкесское посольство в Москве 1552 г.) и до окончательного включения Северного Кавказа в состав Российской империи (завершение Кавказской войны в 1864 г.) прошло более 300 лет. В рамках этого периода уместились противоречивые аспекты отношений России и Кавказа: политическое и военное сотрудничество в борьбе с общими врагами, покровительство, с одной стороны, и военно-колониционный натиск и вооруженное сопротивление, с другой стороны⁶.

В этот период обозначается и направленность эволюции русско-кавказских отношений, включая три крупных этапа, которые различаются объемом, характером и интенсивностью установившихся связей.

Первый этап (середина XVI — начало XVIII в) укладывается в рамки Московского периода российской истории — этап соприкосновения и сближения России и народов Северного Кавказа.

Устойчивые систематические связи с Москвой на этом этапе имели Кабарда и ряд дагестанских феодальных владений. Эти связи порой обретали характер военно-политического союзничества.

При этом северокавказские народы и Россия с XVI в. взаимодействовали не в качестве государственно-политических единиц, но как «сложные социальные субъекты» взаимных отношений. При всех принципиальных различиях, их социоцивилизационные системы сохраняли традиционный характер и сходство черт феодальной социально-политической организации, что делало возможным их взаимопонимание.

Но уже в этот период проявились проблемы и трудности, которые впоследствии приобрели трагический характер. К примеру, изначально имело место неодинаковое прочтение договорных обязательств горцами и самодержавной властью. В частности, шертные грамоты (присяги), горских народов царю, понимались Москвой как «вечное подчинение». Уже в 1590-е годы в полный титул русского царя вносится добавление: «...Кабардинские земли черкасских и горских князей... государь».⁷ В то же время, северокавказские «партнеры» Москвы рассматривали свои отношения с Россией как союзнические, включая право на смену коалиций и союзников.

Второй этап взаимоотношений начался вместе с «петербургским» периодом российской истории. Он охватывает практически весь XVIII век и может быть охарактеризован как переходный. На этом этапе постепенно теряют силу факторы, делавшие возможным взаимопонимание и сотрудничество, и, напротив, накапливаются предпосылки военно-силового противостояния, поскольку углубляется стадийный разрыв уровней их социокультурного развития. Так, в начале XVIII в. Петр I напрямую обращается к «кабардинским владельцам и всему кабардинскому народу» и, ссылаясь на формы взаимоотношений, сложившиеся еще в прежние времена, предлагает принять их «в подданство и оборону» на условиях военной службы против Турции и Крыма и освобождения их от подати⁸. Но уже в 1720 – 1730 годы Россия, подписывает серию договоров (Стамбульский 1724, Рештский 1732, Гянджийский 1735 и Белградский 1739), в которых народы и территории Северного Кавказа выступают только как объект соглашений с Ираном и Турцией.

Третий этап российско-кавказских отношений совпадает с тем, что обозначается в исторической науке понятием «Кавказская

война». Самой яркой особенностью этого понятия является то, что по всем основным его аспектам сталкиваются различные и, зачастую противоположные подходы, это касается и причин войны, и хронологии, и характера, и оценки последствий. Если все же вычленить общее содержание различных подходов, то оно сводится к растянувшемуся на десятилетия утверждению в крае российской администрации путем военного подавления сопротивления местных народов⁹.

Многообразие концептуальных подходов и острая дискуссионность проблематики Кавказской войны объясняется тем, что она представляла собой сложный, многомерный исторический феномен. Его целостная интерпретация в какой-либо отдельной плоскости – истории международных отношений, геополитики, социальной истории народов Северного Кавказа, политической истории России и т.д. и т.п. – невозможна. Здесь необходим осознанный выбор точки зрения. Значение Кавказской войны для нас, для настоящего и будущего России и народов Северного Кавказа можно определить, только рассматривая ее на фоне всего длительного исторического цикла российско-кавказских отношений – от их истоков до настоящего времени. В этом случае обнаруживается, что различные подходы к осмыслению Кавказской войны не столько опровергают, сколько дополняют друг друга, а главное, становится очевидным, что проблема Кавказской войны – это, прежде всего, проблема диалога и взаимопонимания культур.

На пути к современности

Окончательное включение народов Северного Кавказа в социально-экономическую, административно-политическую и культурную среду российского общества и государства привело к радикальному изменению основ и механизмов их исторического развития.

Если в XVI – XVIII вв. основным мотивом отношений «Россия – Кавказ» являлась проблема политического взаимодействия различных исторических субъектов, сохраняющих свою самостоятельность и самобытность, а в период Кавказской войны – проблема совместимости в одном государственном организме столь различных социокультурных систем, то 60-х гг. XIX в. на первый план выходит проблема совместного развития, а точнее – органичного включения Северного Кавказа в процессы российской модернизации. Ключевым для государственной политики России

на Северном Кавказе с этого времени становится вопрос о соотношении системы власти и управления в регионе с процессами преобразования местных обществ.

С этой точки зрения выделяются три этапа, в рамках которых определенным образом сочетаются формы организации государственной власти в регионе и модели реформирования местных обществ. Первый из них соответствует имперскому пореформенному периоду (1860 – 1917 г.), второй совпадает с советской эпохой истории России и третий – это нынешний, постсоветский или демократический этап политических и общественных изменений.

Современное научное кавказоведение дает достаточно взвешенные оценки имперской правительственной политики в регионе. При этом выделяются две ее характерные черты – компетентность и прагматизм. Россия скорее сама приспособливалась к «периферийным» реалиям, нежели приспособливала их к какому-то единому управленческому стандарту. И контуры административных границ были максимально приближены к границам этнических расселений. Таким образом, система административно-политического управления на основе этнотерриториальной организации северокавказского региона складывалась задолго до революции – в результате долгих поисков наиболее оптимальных форм интеграции местных народов в социально-политическую систему Российской империи.

Первая волна преобразований в социальных отношениях развивалась вместе с перестройкой административно-судебной системы в регионе. Но масштабы и глубина воздействия реформ на внутренний строй местных обществ, на хозяйственно-бытовой уклад и религиозную жизнь сельских общин были весьма незначительны. Произошел скорее подрыв устоев традиционного общества, чем его преобразование – этносы оставались в местах традиционного проживания, сохранялось доминирование традиционных видов деятельности – земледелия и животноводства. Но при этом происходили динамичные изменения в окружающей народы Северного Кавказа экономической, социальной и культурной среде – здесь выстраивался российский капитализм.

Интегральным выражением социально-экономических и культурных сдвигов в регионе стала радикальная перестройка его этнодемографической структуры. Уже в период Кавказской войны существенные демографические потери некоторых народов Северного Кавказа сопрягались с мощным миграционным притоком

русского и украинского населения в регион. В итоге к 60 – 90 гг. XIX в. регион приобрел крайне полиэтничный характер.

Эти изменения выступали для народов региона как изменение всей картины мира. Всеобъемлющая и масштабная ломка привычных условий существования при одновременном «отключении» ряда социорегулятивных функций традиционных общественных институтов усиливали «непрозрачность» нового социально-политического порядка, превращали его в источник угроз для традиционалистского сознания.

С этого времени фундаментальной чертой социального бытия горцев Северного Кавказа становится дуализм, двойственность социальной структуры и социальных институтов, в которых и через которые они осуществляют свою жизнедеятельность.

Эту двойственность, переходный и противоречивый характер положения горских народов Северного Кавказа в конце XIX – начале XX вв. остро ощущали представители местной интеллигенции. В их трудах историческая ситуация предстает как ситуация «встречи» отставшего традиционного общества с сильным родовым началом, всецело жившим натуральными формами хозяйства, с европейской цивилизацией.

Реакция местного общества на ситуацию дуализма была далеко неоднозначной. В каждом народе проявили себя и тенденции адаптации к новой реальности, и стремление «уйти» от непривычного порядка, и попытки сопротивления.

Наиболее ярким выражением тенденции адаптации к модернизационным сдвигам являлось медленное, постепенное, но неуклонное распространение среди народов Северного Кавказа современных форм образования и культуры. В период с 1850 по 1887 гг. в Ставропольской гимназии прошли обучение 1739 горцев. В дальнейшем сеть образовательных учреждений расширялась, те или иные их виды возникли во всех округах Кубанской, Терской и Дагестанской областей¹⁰. Сложился заметный слой местной интеллигенции. К 1897 г. в сельских местностях Терской области насчитывалось 88 педагогических и 29 медицинских работников из горцев¹¹. Общественная жизнь региона включала в себя и культурно-просветительскую деятельность, и периодическую печать.

Специфической формой «катастрофического» восприятия нагрянувших перемен и стремления уйти от их пугающей новизны стало переселение горцев Северного Кавказа за пределы Российской империи, главным образом, в Турцию. В той или иной мере

это сложное и неоднозначное явление затронуло практически все народы Северного Кавказа. На завершающем этапе Кавказской войны это была форма их насильственного изгнания. Но переселенческие волны питались и неприятием осуществляемых российской властью реформ, и влиянием религиозного фактора. Продолжалось эмиграционное движение вплоть до начала 1920-х гг.

Таким образом, нельзя преувеличивать масштабы и глубину включения северокавказских народов в модернизационные процессы пореформенного периода даже через полвека после завершения кавказской войны.

Так и сохранившаяся «анклавность» северокавказских обществ резко снижала возможности органичного и позитивного усвоения социальных и культурных инноваций, успешной и широкой адаптации к общественной динамике модернизирующейся России.

Но, с другой стороны, главные коллизии и антагонизмы общественно-политического развития предреволюционной России также не находили прямого отражения на Северном Кавказе.

Если рассматривать процессы, развернувшие на российском политическом пространстве в 1917 – 1922 гг., не с идеологической или социальной точки зрения, а в контексте государственно-политического развития, то очевидно, что главным их содержанием были распад и последующее собирание Российского государства в новой пространственной и политической конфигурации. Главная проблема, с которой столкнулись в этот период северокавказские народы – это восстановление какого-либо устойчивого порядка взамен рухнувшего имперского и создание соответствующих механизмов для регулирования общественной жизни региона, межнациональных и поземельных отношений. Такие механизмы формировались на основе этнотерриториальной самоорганизации. Именно в этот период реальным политическим смыслом наполнились такие понятия как Кабарда, Балкария, Осетия, Чечня, Ингушетия и другие. Они превратились в самостоятельные этнополитические единицы, стали реальными субъектами социально-политических процессов.

В этом смысле формирование системы государственной власти и управления после гражданской войны на принципах национально-территориальной автономии было продолжением этих процессов.

В 1920 – 1950 годы основным фактором интеграции северокавказских народов в тогдашнее российское общество выступала их

политическая и идеологическая «советизация». Она базировалась на постулате о несовместимости традиционной социальной организации и культуры народов региона с принципами организации и функционирования нового социалистического общества. Все подлежало ломке и перестроению. В 1920-е гг. на первый план выступали сдвиги в культурно-идеологической и административно-политической среде при сохранении традиционной системы хозяйствования и деревенского уклада жизни. В 1930-е гг. сплошная коллективизация, огосударствление сельской экономики и бюрократизация колхозов приводят к слову «порезформенной» социальной и организационно-хозяйственной структуры, подрывая духовно-идеологическую автономию горского аула, бывшего до этих пор средоточием воспроизводства этносоциальной и этнокультурной традиции. И только период Великой Отечественной войны дал народам Северного Кавказа, по сути дела, первый, со времени их вхождения в состав России, опыт всенародной солидарности к общей для всей страны трагедии и массового участия в вооруженной защите государства от внешнего врага.

В 1950-е гг. в большинстве республик Северного Кавказа социальное лидерство переходит к советскому поколению местных обществ, а государственная система обучения и воспитания превращается в основной механизм социализации подрастающих поколений, таким образом, народы Северного Кавказа оказываются на пороге завершающей фазы их интеграции в российское советское общество, также — глубокой адаптации к условиям и требованиям социалистической модернизации.

Три десятилетия с конца 1950-х и до конца 1980-х годов стали временем значительных изменений в северокавказских обществах. Именно в эти годы происходит реальная и интенсивная модернизация социально-экономических структур (урбанизация, индустриализация) и подлинная революция в культуре местных обществ. Изменения социально-экономических структур в этот период определяются не столько перестройкой социально-демографического состава населения в результате механического притока русскоязычного населения извне региона, сколько трансформациями самого этнического социума. Процессы модернизации сопровождаются ослаблением влияния традиционных культурных систем на всю сферу общественных отношений. При весомом вкладе «внешнего» фактора (общегосударственной политики и системы образования) здесь не менее важна была переориентация этносоциальных общностей с воспроизводства

традиционных социальных и культурных образцов на социальные инновации, на модернизацию.

Население северокавказских республик и областей включалось, благодаря этому, в единый для всей страны процесс социально-экономического развития.

Таким образом, важный результат этого периода – выравнивание и сближение социально-экономических характеристик северокавказских этносоциальных общностей со структурой российского общества в целом, достижение их принципиального «стадиального» единства. Но стирания национальных граней социального пространства региона к концу советской эпохи, конечно же, не произошло. Сохранялось определенное «отставание» северокавказских этносоциальных общностей по параметрам модернизации от общероссийского уровня и от русскоязычного населения страны.

Модернизационные сдвиги 60 – 80-х годов привели в действие новые факторы этносоциальной консолидации народов Северного Кавказа: социальную и географическую мобильность, интенсификацию социальных взаимодействий, массовую образованность и расширение слоя национальной интеллигенции. Все это приводило к заметному подъему чувств национальной гордости, связываемой с собственной историей и высоким ценностным статусом этнокультурного наследия. Массовое национальное сознание стало основным носителем культурно-исторической преемственности северокавказского мира. В его структуре возникла как бы сдвоенная линия напряженности, сопрягающая оценку реального состояния данного этнического социума: с одной стороны с ценностями национальной культурной традиции, с другой – с целями модернизации.

В итоге сложилась такая ситуация: ценности и нормы традиционной культуры оставались фактором сплочения северокавказских этнических обществ и сохраняли значимые функции общественного регулирования. А традиционные институты, связи и нормы действовали как этнический ресурс, обеспечивающий индивидуальную социальную мобильность и успех в различных сферах общественной жизни. Этнический социум вышел за пределы локальных социальных единиц и «заполнил» свою национально-государственную форму в рамках отдельных автономий. Словом, произошла регенерация «полной» социально-политической структуры северокавказских этносоциальных общностей. Все это отразилось в становлении сложной конфигурации

национальной идентичности народов региона, включившей в себя и сознание принадлежности к наднациональной советской политико-гражданской общности, и сознание своих «естественных» прав на национальную государственность.

Этнические традиции продолжали жить, приводили к воспроизводству норм тесных групповых межличностных отношений, широкой «земляческой» взаимопомощи¹². Самой этноспецифичной областью жизни народов региона оставались семейно-бытовые и родственно-соседские отношения. Они обеспечивали на регулярной, повседневной и «естественной» основе подкрепление этнической консолидации отдельных народов региона и этнической идентичности каждого человека¹³.

Таким образом, ни характер развития модернизационных процессов в регионе, ни их общие итоги не дают основания считать, что в советскую эпоху была преодолена дуалистичность социально-экономических структур и культурных ориентаций северокавказских этнических обществ.

С конца 1980-х гг. официальным содержанием политики правящих кругов России становится программа экономической и политической модернизации страны – переход к рыночной экономике и демократии. На первый взгляд, развитие событий на Северном Кавказе не просто расходилось, но прямо противоречило этой программе. Ситуация в регионе на протяжении 1990-х гг. описывается по преимуществу в терминах этнического национализма и сепаратизма, межэтнической напряженности и конфликтов, религиозного фундаментализма и террористической угрозы. Чтобы понять, почему развитие событий здесь приобрело такую направленность, необходимо принять во внимание две группы факторов.

Во-первых, очевидно, что отражение модернизаторской политики в социокультурной и этнополитической среде Северного Кавказа не могло быть прямым и однозначным в силу отмеченной выше двойственности, пронизывавшей социально-экономические структуры, формы социального поведения, общественное и индивидуальное сознание народов региона.

Во-вторых, достаточно соотнести преобразовательную политику последних 20 – 25 лет с реформаторским опытом предшествующих эпох, чтобы обнаружить источники многих современных проблем региона.

На протяжении XIX – XX веков на Северном Кавказе были реализованы три модели преобразовательной политики: имперско-

либеральные реформы 60 – 70-х годов XIX века, социалистическое строительство советской эпохи как форма модернизации и демократические реформы 1990-х гг.

Первая волна преобразований призвана была закрепить военно-политические результаты Кавказской войны, она развертывалась в условиях общего укрепления Российского государства и осуществления им системных реформ. Приоритетной для государственной политики на Кавказе была задача более прочной интеграции региона в имперское социально-политическое пространство на основе верховенства центральной власти, но при сохранении элементов судебно-административной автономии региона.

Вторая, социалистическая, волна общественных преобразований стала осуществляться на Северном Кавказе уже после Гражданской войны в условиях упрочения советского государства. В отличие от реформ XIX в., они носили чрезвычайно глубокий, радикальный характер, реализовались форсированными темпами на основе жесткой административной централизации и политико-идеологической унификации. С конца 1920-х гг. при осуществлении политических, экономических и социальных преобразований полностью игнорировалась социокультурная специфика местных обществ. Но процесс социалистического строительства нес народам региона реальную социально-экономическую модернизацию и, одновременно, приобретал символическую форму национального расцвета.

Современный этап общественных трансформаций развертывался в условиях распада союзной государственности и резкого ослабления государственности российской. К тому же, «рыночные» и «демократические» преобразования предполагали глубокий радикальный разрыв с прежней общественно-политической системой, ее тотальную делегитимацию в общественном сознании. Сами реформы носили форсированный характер и не предусматривали какого-либо учета специфичности социально-экономических структур и социокультурных традиций как российского общества в целом, так и его отдельных этнорегиональных сегментов.

Для северокавказского этносоциального конгломерата с его «спрессованной неоднородностью» специфическое значение приобретало все то, что могло привести к «возбуждению» этносоциальных процессов и потере «управляемости» ими. А идеология и практика революционного реформаторства в России 90-х годов несли с собой достаточно много такого рода факторов. В результа-

те нынешняя российская революция «осовременивания» едва ли не в большей степени обернулась для народов Северного Кавказа вызовом (реанимированием) архаизации.

С 1999 г. ситуация в регионе вновь стала меняться – результаты постсоветских преобразований сохранились, но от бурного либерального реформаторства власть перешла к их ревизии, а на смену тотальному разгосударствлению и политической фрагментации пришло собирание и укрепление российской государственности. На этом фоне сохранение нынешней системы «национально-государственного» устройства региона иногда оценивают как угрозу для территориальной целостности России. Однако в качестве средства предотвращения этой угрозы предлагаются меры исключительно политико-правового и административного характера. Но решит ли это «кавказскую проблему»?

Константы исторического процесса и полилог цивилизаций как ориентиры «кавказской политики»

Между тем, для того, чтобы сформировать реалистичное видение перспектив Северного Кавказа необходимо: во-первых, суметь определить «константы» исторического пути в составе России, а, во-вторых, суметь вычленив в текущей ситуации базовые общественные процессы, которые определяют будущее на долговременную перспективу.

Что мы понимаем под этими константами? Оказывается, при широком, «панорамном», видении исторического процесса в нем обнаруживаются некоторые устойчивые структуры, которые выступают для каждого отдельно взятого поколения в виде объективно заданных параметров социально-исторической реальности. Эти константы с неизбежностью выражают себя в воспроизводстве сходных форм субъективного человеческого опыта.

Культурная самобытность Кавказа, зародившаяся в глубокой древности и неустранимая, судя по всему, на обозримую перспективу, сформировала две константные черты российско-кавказского исторического процесса. Во-первых, это присутствие в государственном пространстве России исторического региона, отмеченного инокультурностью. Во-вторых, это дуалистичность основ жизнедеятельности и сознания народов Кавказа.

На субъективном срезе исторического процесса обозначенные выше структурные константы порождали две столь же постоянные проблемы. Во внутрироссийском плане – это необходимость нахождения особых форм государственно-политической органи-

зации Северного Кавказа, отражающих его этнотерриториальную и этнокультурную специфику. В международном плане — это культурная (этническая, конфессиональная) «инаковость» региона, что порождала постоянное стремление внешних сил использовать ее в целях геополитического давления на Россию.

Государственная политика в регионе должна видеть и опираться на эти постоянные величины. Ведь они не поддаются одномоментному устранению какими-либо политико-административными мерами, не поддаются какому-либо окончательному решению на основе утверждения формальных конституционных принципов. Путь к их позитивному воплощению в политической практике лежит не столько через управление территориями или населением, сколько через управление базовыми общественными процессами, протекающими в стране и в регионе.

Экономический потенциал национальных республик региона и в советское время был заметно ниже общероссийского уровня, а в условиях глубокого экономического кризиса 1990-х гг. этот разрыв стал еще глубже. Во многом именно деиндустриализация экономики Северного Кавказа задает неблагоприятную направленность этнодемографическим процессам в регионе. Прежде всего, это — отток русского населения и довольно устойчивая тенденция снижения его доли в национальных республиках региона. В итоге более выраженной становится этнокультурная грань между ними и остальной Россией. Одновременно ухудшается социально-профессиональная структура населения, поскольку выезжают, главным образом, люди трудоспособного возраста с более высоким уровнем общего и профессионального образования. Усугубляются проблемы аграрного перенаселения, которые, в отдельных случаях, обращают вспять процесс урбанизации общества. Наконец, изменение возрастной структуры населения в пользу более молодых поколений при крайне ограниченных возможностях трудоустройства ослабляет потенциал социально-конструктивных форм индивидуального и группового поведения.

Если мы хотим сформировать такое знание современного российского Кавказа, которое могло бы лечь в основу стратегической политики государства в этом регионе, то важно в первую очередь уловить возможные расхождения в тенденциях экономического и социокультурного развития Северного Кавказа и остальной России. То напряжение, которому подверглась дуалистичная структура социальной и духовной жизни региона в переходный период

1990-х гг., не снято до сих пор. При всем желании оно и не может быть ликвидировано волевым образом какими-либо одномоментными правовыми, административными, или даже политическими акциями. Здесь требуется долгосрочная, целенаправленная и последовательная политика комплексной региональной модернизации (естественно, в контексте развития всей страны).

Модернизация разворачивается в современном мире как глобальный процесс. При этом цивилизационное многообразие человечества сохраняется, но все современные культуры становятся участниками «полилога цивилизаций», в ходе которого универсальные категории и ценности современности осваиваются, перетолковываются, модифицируются в соответствии с собственными культурными кодами взаимодействующих цивилизаций¹⁴. Для народов Северного Кавказа наиболее естественным и органичным путем полноценного включения в мировое модернизационное развитие и полилог цивилизаций является активное участие в процессах модернизации и демократизации Российского культурно-политического пространства. Именно в этой, давно ставшей родной для них социокультурной среде они могут одновременно строить свое бытие по меркам современности и поддерживать этнокультурные традиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Кара-Мурза А.А., Панарин А.С., Пантин И.К.* Духовно-идеологическая ситуация в современной России: перспективы развития // Полис. 1995. № 4. – С. 16.

² *Колосов В.А., Криндач А.Д.* Тенденции постсоветского развития массового сознания и политическая культура Юга России // Полис. 1994. № 6. – С. 120.

³ *Сухачев В.Ю.* Этническая и национальная составляющая в кавказском конфликте: пришествие «чужого» // Россия и Кавказ: сквозь два столетия. – СПб., 2001. – С. 171 – 176.

⁴ Известия. 2004. 27 февраля. – С. 7.

⁵ *Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г.* Народы Кавказа. Кн.1. – М., 1991.

⁶ *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – вторая половина XVII в. – М., 1963; *Дзамихов К.Ф.* Адыги в политике России на Кавказе (1550 – начало 1770-х гг.). – Нальчик, 2001.

⁷ *Дзамихов К.Ф.* Адыги и Россия: формы исторического взаимодействия. – М., 2000. – С. 69.

⁸ Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв. Сборник документов. Т. 2. – М., 1957. – С. 3.

⁹ Кавказская война: Спорные вопросы и новые подходы. Тезисы докладов международной научной конференции. – Махачкала, 1998; История

Дона и Северного Кавказа с древнейших времен до 1917 года. – Ростов-на-Дону, 2001. – С. 274.

¹⁰ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). – М., 1988. – С. 342.

¹¹ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 68. Терская область. – СПб., 1905. – С. 146 – 147.

¹² Карлов В.В. Этнокультурные процессы новейшего времени. – М., 1995. – С. 83 – 84.

¹³ Цуциев А.А. Русские и кавказцы: очерк незеркальной неприязни // Вестник института цивилизации. – Владикавказ, 1998. Вып. 1. – С. 251.

¹⁴ Kavolis V. Nationalism, Modernization and the Polylogue of Civilizations // Comparative Civilizations Review. 1991. № 25. – P. 124, 128 – 131.

Аннотация

В статье показано, что описание, объяснение и понимание современной ситуации на Кавказе должно строиться не на истолковании социокультурной традиции (этнографии) народов региона, а на анализе итогов их культурно-исторической эволюции и характеристик их взаимодействия с общими процессами социально-политических трансформаций в России.

Ключевые слова: цивилизационный процесс, интеграция, модернизация, полиэтничность, социально-культурная инкорпорация, полилог цивилизаций.

Summary

It is shown in the article, that the description, explanation and understanding of contemporary situation in the Northern Caucasus should be based not on the interpretation of social and cultural traditions (ethnography) of the nations of this region but on the analysis of the outcomes of their cultural and historical evolution and characteristics of their interactions with the common processes of social and political transformations in the Russia.

Keywords: civilisation process, integration, modernisation, poliethnicity, social and cultural incorporation, polylogue of civilisations.